„Пров 49"

Россійская Соціалдемократическая Рабочая Партія.

Всеобщій Еврейскій Рабочій Союзъ
въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи
(„Бундъ").

ГИРШЪ ЛЕКЕРТЪ
И ЕГО ПРОЦЕССЪ.

Ішк
Бунд

Іюль 1902 г.

„Пров 38"

„Пров 49

22 2 38.

Гиршъ Лекертъ и его процессъ.

Въ ночь на 28-[illegible] подъ прикрытіемъ глубокой тьмы и двойного кордона войскъ и казаковъ, русское самодержавіе казнило революціонера Гирша Лекерта. Еще однимъ самоотверженнымъ борцомъ стало меньше! Еще одна безвременная смерть, и ее нашелъ такой человѣкъ, который, по своимъ нравственнымъ качествамъ, гражданскому мужеству и геройской неустрашимости, былъ цѣлой головой выше окружающихъ его людей. Онъ выполнилъ то, что стало нашей общественной потребностью, но о чемъ многіе смѣли только думать и мечтать, но никакъ не дѣлать. Эта свѣтлая личность была такимъ жгучимъ укоромъ самодержавію и его дикимъ порядкамъ, насилію и произволу, что оно чуть ли не самое существованіе свое считало непрочнымъ при его жизни. Надо было убить его и убить во что бы то ни стало.... Судъ сословныхъ представителей присудилъ Карповича къ 20-ти лѣтней каторгѣ, когда отъ раны, нанесенной имъ, послѣдовала смерть Богоялѣпова; за то Балмашева судили военнымъ судомъ. Но какая разница между Балмашевымъ и Лекертомъ! Балмашевъ убилъ наповалъ министра внутреннихъ дѣлъ—Лекертъ стрѣлялъ въ виленскаго губернатора и отпустилъ его, къ величайшему огорченію всѣхъ, только съ легкими ранами... Судъ гражданскій не могъ бы убить его.... На помощь являются законы военнаго времени и военно-окружный судъ. Генералы въ звѣздахъ, для которыхъ воля самодержца есть единственно доступный ихъ уму и сердцу законъ въ жизни, несомнѣнно оправдаютъ возлагаемыя на нихъ надежды. Лекертъ—еврей, Лекертъ вышелъ изъ рабочей среды, Лекертъ дѣйствовалъ въ Литвѣ, находящейся подъ исключительными законами, а потому и наказаніе ему должно быть **особо устрашающее** *) **и исключительное: за легкія раны онъ**

*) Такъ, Плеве въ разговорѣ съ однимъ членомъ Го-

долженъ былъ поплатиться своей головой. И это случилось!....

Имя Лекерта не въ первый разъ встрѣчается въ исторіи еврейскаго революціоннаго движенія. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ „Новгородской исторіи“ (въ Вильнѣ); онъ устроилъ побѣгъ изъ еврейскаго госпиталя одному изъ пострадавшихъ во время этой исторіи; цѣлый годъ просидѣлъ до „суда“; полгода высидѣлъ въ „Крестѣ“ и затѣмъ былъ высланъ въ г. Екатеринославъ подъ надзоръ полиціи. Незадолго до 18-го апрѣля с. г. онъ во второй разъ самовольно вернулся въ Вильну. Дикая расправа надъ демонстрантами такъ взволновала его душу, что онъ не находилъ себѣ успокоенія; безнаказанность Валя еще больше углубляла его жажду мести... 5-го мая онъ, наконецъ, стрѣлялъ два раза въ Валя, когда тотъ выходилъ изъ цирка. Онъ и не пытался бѣжать, былъ схваченъ полиціей и преданъ суду. Дознаніе вели **жандармы, слѣдствіе же по дѣлу было поручено слѣдователю по особо-важнымъ дѣламъ.** Обвинительный актъ о предаціи суду Судебной Палаты съ участіемъ сословныхъ представителей былъ составленъ товарищемъ прокурора Окр. Суда Зубовскимъ. Сидѣлъ онъ въ „14-мъ Номерѣ“ *). Черезъ нѣсколько дней было напечатано въ Правительственномъ Вѣстникѣ, что Лекертъ, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ Плеве, предается военному суду для сужденія по законамъ военнаго времени. (Максимальное наказаніе въ гражданскомъ судѣ могло быть ему 4 года каторги, но дѣло могло также окончиться тюремнымъ заключеніемъ до 4 мѣсяц., если бы онъ не призналъ открыто желанія убить, отвѣтивъ однимъ только молчаніемъ). Телеграмма объ изъятіи этого дѣла изъ вѣдѣнія

суд. Совѣта произнесъ вотъ какую фразу: „Какъ человѣкъ, я не сочувствую этому приговору, но какъ государственный дѣятель я долженъ требовать казни, ибо Лекертъ рабочій, интеллигенцію этимъ не устрашишь, на рабочихъ же этотъ приговоръ возымѣетъ надлежащее дѣйствіе“.

*) 14-ый Номеръ — названіе политической тюрьмы въ Вильнѣ.

92738

гражданскаго суда была получена Окружнымъ Судомъ только 11 мая, хотя правительственное сообщеніе появилось гораздо раньше. Обвиняли его по 279 ст. Воинскаго Устава о наказаніяхъ. Больше о Лекертѣ ничего не печаталось. Все слѣдствіе велось въ строжайшей тайнѣ: хищники всегда предпочитаютъ мракъ свѣту. О днѣ суда не было объявлено. 15-го мая тайкомъ, въ закрытой каретѣ, Лекерта подвезли къ зданію военно-окружного суда. Путь охранялся массой полицейскихъ и дворниковъ, вооруженныхъ дубинами, и былъ закрытъ для всей публики, кромѣ лицъ въ чиновной формѣ. Карету, предназначенную для Лекерта, привезли на полицейскій дворъ ночью, наканунѣ суда. Тамъ ее подвергли полицейской ревизіи, для чего былъ командированъ нарядъ изъ 5-ти чел. Осмотрѣвъ тщательно и не обнаруживъ никакихъ метательныхъ снарядовъ, рѣшили ее испытать: двое смѣльчаковъ-полицейскихъ рѣшили принести свою жизнь въ жертву отечеству и престолу и, скрѣпя сердце, влѣзли въ карету и просидѣли въ ней цѣлый часъ, рискуя жизнью. Наконецъ, каретѣ было выдано свидѣтельство о благонадежности; городовые, отдѣлавшіеся только страхомъ, отвезли ее къ 14-му Номеру, мѣсту заключенія Лекерта. Церемоніальное шествіе не могло не обратить на себя вниманія случайно проходившей публики, и къ полудню весь городъ зналъ уже, что славные воины творятъ судъ надъ Лекертомъ. Двери суда были закрыты даже для корпуснаго командира—до того боялись гласности... Въ тѣхъ же видахъ, не довѣряясь присяжной адвокатурѣ и, быть можетъ, опасаясь вліянія честнаго слова на солдатъ-судей, предсѣдатель военнаго суда завѣдомо скрылъ отъ Лекерта его право требовать назначенія себѣ защитника изъ состава присяжной адвокатуры Виленской Судебной Палаты. Вмѣсто опытнаго юриста судъ назначилъ ему въ защитники кандидата на судебныя должности въ военномъ судѣ, капитана Петрова. Несчастный капитанъ во все время суда только о томъ и думалъ, какъ бы ему спасти свою карьеру и не проронить слова сочувствія обвиняемому. Несчастному капитану казалось, что его самого повѣсятъ за просъ-

бу о помилованіи, которую болѣе опытные военные защитники ему совѣтовали подать отъ имени Лекерта. Лекертъ съ достоинствомъ выслушалъ комедію этого суда: не считая себя виновнымъ, онъ призналъ, что стрѣлялъ въ Валя. Онъ съ благородствомъ признался, что имъ руководило желаніе убить Валя, каковое признаніе, по закону, рѣшило дѣло. Лекерту стоило только сказать, что въ его видахъ было лишь напугать Валя, проучить его, но не убить,—и тѣмъ спасти свою жизнь. Но герой, не знающій компромисовъ, отказался отъ этой затѣи. Объ одномъ только заботились слѣдователи, жандармы и военные судьи: открыть сообщниковъ—вотъ была ихъ главная цѣль. На предложенный на судѣ объ этомъ вопросъ Лекертъ отвѣтилъ, что онъ достаточно уменъ для того, чтобы самому додуматься до покушенія. На всѣ вопросы подобнаго рода онъ потомъ отвѣчалъ презрительнымъ молчаніемъ. На предложеніе предсѣдателя возразить на пункты обвинительнаго акта или свидѣтельскаго показанія Лекертъ отвѣчалъ отказомъ.

Вынесли обвинительный приговоръ, присуждающій его къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Во все время суда войска стояли подъ ружьемъ въ манежѣ. Когда подъ охраной полицмейстера, жандармскаго полковника и нѣсколькихъ городовыхъ карета съ осужденнымъ промчалась съ быстротою молніи отъ суда къ 14-му Номеру, улицы полны были народомъ. Гробовое молчаніе публики провожало эту печальную процессію. Ближайшія къ 14-му Номеру улицы были закрыты для прохода публики.

Судъ кончился. Приговоръ долженъ былъ, по военнымъ законамъ, быть конфирмованъ командующимъ войсками округа, который еще до суда получилъ объ этомъ приказъ отъ своего министра.

Низость царскихъ слугъ дошла до того, что они и послѣ суда не оставили въ покоѣ человѣка, осужденнаго на смерть. Жандармъ Терентьевъ, по настоянію своего высшаго начальства, снова пришелъ допрашивать его о сообщникахъ. Они думали воспользоваться его состояніемъ послѣ объя-

вленія приговора, чтобы вынудить какое-нибудь признаніе. Лекертъ не измѣнилъ себѣ ни на минуту.

Принесенная защитникомъ кассаціонная жалоба на нарушеніе закона о подсудности, въ виду необъявленія военному суду 17 ст. положенія объ усиленной охранѣ, оставлена главнымъ военнымъ судомъ безъ послѣдствій, равнымъ образомъ была отвергнута вымученная у Лекерта просьба о помилованіи *).

Все общество съ нетерпѣніемъ ждало его помилованія, а рабочіе даже открыто выражали ему сочувствіе. Такъ, на другой день послѣ суда, когда жена Лекерта выходила изъ зданія „№ 14“, ее подхватила толпа рабочихъ—христіанъ, пронесла отъ зданія тюрьмы до Антокольскаго моста, спрашивая съ трогательнымъ участіемъ: „Что, не повѣсили еще ? “

28 мая, опять въ глубокой тайнѣ, крадучись, защитники русскаго престола ночью приводили приговоръ въ исполненіе. Секретно была организована коммиссія изъ прокурора и представителей администраціи для выбора подходящаго мѣста для казни. Выборъ палъ на отдаленное отъ города военное поле. Ночью, словно тати, представители идеи справедливости, служители христіанскаго государства шли убивать человѣка, отдавшаго свою жизнь въ борьбѣ съ ди-

*) Она была вымучена у Лекерта слезами его беременной жены, матери—при особо-дѣятельномъ участіи Шефтеля Клячко („второго виленскаго губернатора“, какъ его здѣсь называютъ), помощ. прис. повѣр. Эльяшева, повѣр. жены, капитана Петрова и представителя жандармской власти. Долго онъ и слушать не хотѣлъ объ этомъ, онъ говорилъ: „Всеравно повѣсятъ, такъ я еще въ дуракахъ останусь“. Но безпрерывныя приставанія всѣхъ этихъ доброжелателей, слезы родныхъ и желаніе отвязаться отъ нихъ во что бы то ни стало такъ подѣйствовали на него, что онъ сказалъ: „Дѣлайте, что хотите!“ Этого только они и ждали. Тутъ же все было составлено и подписано Эльяшевымъ за неграмотнаго Лекерта.

кимъ произволомъ, за поруганныя человѣческія права. Характерно, что государевъ приговоръ приводилъ въ исполненіе разбойникъ, каторжанинъ, лишенный правъ, казакъ Орловъ. Вотъ кто исполняетъ именемъ царя царскіе приговоры!

Изъ солдатъ была создана живая ограда. Переодѣтые въ статскомъ городовые ночью привезли висѣлицу и на глазахъ солдатъ построили ее; на глазахъ тѣхъ же солдатъ вырыли яму. Въ карре изъ солдатъ вошли царскіе слуги: секретарь Вил. окружн. суда Лукасъ, тов. прокур. того же суда Вендландъ, чиновн. особ. порученій Сабуровъ, врачъ Яновскій *), общественный раввинъ Немзеръ и рядъ приставовъ. Въ закрытой каретѣ подвезли Лекерта. Съ Лекертомъ въ каретѣ ѣхалъ приставъ Снитко. Лекертъ спросилъ, куда его везутъ. Снитко отвѣтилъ, что къ вокзалу. Лекертъ по улицамъ узналъ, что его везутъ не туда. „Вы везете меня на военное поле“, сказалъ Лекертъ. „Слишкомъ много чести“, возразилъ Снитко съ презрѣніемъ. Только когда они переѣхали мостъ на Снипишки, Лекертъ сказалъ: „Что же вы меня два раза обманули?“ На что Снитко отвѣтилъ: „Ну, конечно, повѣсить!“

Карета остановилась на довольно почтительномъ разстояніи отъ мѣста казни, около стрѣльбищнаго вала. Съ повязанными назадъ руками Лекертъ ровно, спокойно до-

*) Городовой врачъ Яновскій былъ приглашенъ въ 11 час. ночи къ вице-губернатору Балясному. Послѣдній сообщилъ ему, что онъ долженъ присутствовать при казни. Яновскій сталъ проситься домой. Балясный не совѣтовалъ ему этого дѣлать. Послѣ онъ согласился, но сказалъ: „Не вздумайте заболѣть, и если будетъ знать кто-нибудь въ городѣ объ этомъ до казни—имѣйте въ виду, что это будетъ приписано вамъ“. Яновскій сказалъ, что онъ въ статскомъ, что у него нѣтъ мундира. Но и это не помогло. Присутствовавшій Богдановъ, теперешній полицмейстеръ, далъ ему подходящій мундиръ, такъ какъ онъ самъ служилъ въ томъ же вѣдомствѣ внутр. дѣлъ.

шелъ до рокового мѣста. Твердой, достойной поступью Лекертъ взошелъ на подмостки и съ удивительнымъ спокойствіемъ ждалъ конца. Секретарь прочелъ приговоръ военнаго суда. Раввинъ хотѣлъ сказать приличествующее случаю слово. Онъ просилъ осужденнаго покаяться и, сходя въ могилу, открыть сообщниковъ. Онъ сказалъ, что Лекертъ нарушилъ заповѣдь: „не убій“, и убѣждалъ его покаяться, обѣщая послѣ этого прочесть ему напутственную молитву и такимъ образомъ открыть ему доступъ въ рай. Лекертъ отвергъ молитву, сказавъ, что въ ней не нуждается; что касается заповѣди, то онъ замѣтилъ, что, вѣроятно, въ силу этой самой заповѣди, исповѣдующіе ее вѣшаютъ теперь его. Затѣмъ онъ попросилъ оставить его въ покоѣ. Палачъ накинулъ на Лекерта петлю. Она остановилась у него на носу, Лекертъ самъ движеніемъ головы (руки у него были крѣпко-на-крѣпко привязаны кзади; когда завязывали, ему, было, вѣроятно, очень больно, потому что лицо его выразило тогда сильное страданіе, но онъ не издалъ ни одного звука) сбросилъ ее на шею. Палачъ спрыгнулъ, съ дикой злобой потащилъ его къ землѣ за ноги и крикнулъ: „готово!“—и герой погибъ... Въ заранѣе вырытой ямѣ сейчасъ же зарыли трупъ его, безъ савана, который палачъ тутъ же присвоилъ себѣ *). Войска по командѣ начальства прошли черезъ могилу, чтобъ выразить погибшему презрѣніе, и съ пѣснями возвратились въ лагерь. Но шли войска, недовольныя, убитыя. Не видно было въ нихъ сознанія исполненнаго ими великаго государственнаго долга. Видъ солдатъ невольно наводилъ на размышленіе, не будущихъ ли могильщиковъ самодержавія ведутъ въ лагерь.

* *
*

*) Одинъ изъ приставовъ замѣтилъ палачу, что Лекерта слѣдуетъ одѣть въ саванъ, на что палачъ отвѣтилъ: „Эхъ, жидюга обойдется и безъ этого!“

Товарищи—революціонеры! Лекертъ казненъ. Самодержавіе торжествуетъ, изувѣръ Валь получилъ царскую благодарность за свою исполнительность. Съ высоты трона облобызалъ Ника-Милуша своего вѣрнаго слугу, когда до него дошло извѣстіе о покушеніи на его жизнь. 16,000 р. и голова Лекерта—вотъ его награда. Отнынѣ примѣръ Валя соблазнитъ многихъ другихъ царскихъ башибузуковъ, большихъ и малыхъ.

Товарищи! Годъ отъ году намъ становится все тяжелѣе дышать въ тискахъ самодержавія; слишкомъ туго узда затягивается надъ нами и грозитъ смертью все большимъ и большимъ слоямъ населенія. Терроризировать, устрашить народъ—вотъ о чемъ хлопочетъ теперь самодержавіе. Розгами, каторгой, висѣлицами и смертными приговорами хочетъ оно деморализировать насъ и вырвать изъ нашихъ рукъ знамя борьбы, на которомъ кровью записаны уже столько славныхъ именъ, столько невинныхъ жертвъ и молодыхъ жизней! Напрасны эти старанія! Звѣрства правительства создаютъ ему все больше и больше враговъ. Его имя, его дѣла становятся ненавистны такимъ людямъ, которыхъ оно раньше могло считать своими вѣрными сынами. Необходимость политической борьбы, какъ единственнаго средства для достиженія правъ свободнаго гражданина, становится все яснѣе для всѣхъ обитателей обширной Россіи.

Товарищи, братья! Насъ вѣдь не запугаютъ висѣлицы и розги, какъ не страшили насъ до сихъ поръ тюрьмы и Сибирь. Будемъ бороться до тѣхъ поръ, пока подъ напоромъ нашихъ общихъ и дружныхъ силъ не рухнетъ зданіе всероссійскаго гнета, произвола и насилія—царское самодержавіе. Да воодушевитъ насъ примѣръ нашего товарища Лекерта! Да будетъ для насъ свята память о евреѣ—рабочемъ, пожертвовавшемъ своею жизнью для общаго дѣла! Пусть память его вдохновитъ насъ на дальнѣйшую упорную борьбу; пусть эта память будетъ жить въ насъ до тѣхъ поръ, пока не рухнетъ твердыня самодержавія,—чтобы воздать ему ту славу, которую онъ вполнѣ заслуживаетъ

своей преждевременной смертью за защиту нашей оскорбленной чести, нашихъ попранныхъ правъ.

Соединенный Комитетъ мѣстныхъ организацій:
Виленскаго соціалдемократическаго комитета Всеобщаго Евр. Раб. Союза въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи.
Виленскаго комитета Соц.-демократіи въ Польшѣ и Литвѣ.
Виленскаго рабочаго комитета Литовской Соціалистической Партіи.

Іюль 1902 года.

Эта брошюрка издана также на евр. и польск. яз. Тексты русскій и польскій полнѣе еврейскаго, такъ какъ нѣкоторыя добавленія были получены лишь тогда, когда еврейская брошюрка уже была напечатана.

